

REBECCA MAKKAJ

I HAVE
SOME
QUESTIONS
FOR YOU

РЕБЕККА МАККАЙ

У МЕНЯ
К ВАМ
НЕСКОЛЬКО
ВОПРОСОВ

LIVE BOOK Лайвбук

Букмейт

Москва
2024

УДК 82-3
ББК 84
М 15

Copyright © 2023 by Rebecca Makkai Freeman

Дизайн обложки Наташи Васильевой
Иллюстрация на обложке Кристины Смольской

Маккай, Ребекка

М 15 У меня к вам несколько вопросов : [пер. с англ. Д. Шепелева]. — Москва : Лайвбук / Букмейт, 2024. — 672 с.

ISBN 978-5-907784-18-5

Это захватывающий психологический триллер, показывающий, насколько болезненным может быть прикосновение к прошлому. После того, как преподавательнице и успешному подкастеру Боди Кейн предложили провести двухнедельный курс в школе-интернате Нью-Гемпшира, которую она когда-то окончила, события 23-летней давности накрывают ее с головой. Ведь именно здесь была найдена мертвой ее подруга и соседка по комнате Талия. Считается, что убийцу поймали в том же 1995 году. Но что, если следователи не разобрались в деталях и произошла судебная ошибка? Талия встречалась в школе со многими, возможно даже с преподавателями, — что, если настоящий убийца все еще находится на свободе?

Роман Маккай блестяще исследует работу памяти и фиксирует социальный запрос на справедливость. Он достоверно показывает, насколько важно человеку разобраться с собственным прошлым, проститься с призраками, которые мучали его на протяжении долгих лет, и выйти на новый этап жизни со взвешенным взглядом на самого себя и тех, кто находится рядом.

УДК 82-3
ББК 84

© Шепелев Д. Л., перевод на русский язык, 2024
© Оформление. Livebook Publishing LTD, 2024

ISBN 978-5-907784-18-5

— **В**ы же слышали о ней,— говорю я — с вызовом, с нажимом.

Я обращаюсь к женщине на соседнем стуле в баре отеля, опрометчиво завязавшей со мной разговор, и к стоматологу, у которого кончаются вопросы о моих детях, и он спрашивает, чем я сама занимаюсь.

Кто-то сразу понимает, о ком я говорю. Кто-то спрашивает:

— Это не та, которую парень держал в подвале?

Нет! Нет. Не та.

Это не та, которую ударили ножом? Нет. Та, которая села в такси с... Это другая девушка. Та, которая отправилась на вечеринку братства, а он схватил дубинку, схватил молоток, та, которая забрала наркочу из дурки, а он... Нет. Та, которая бегала трусцой, а он смотрел на нее каждый день? Та, которой не стоило говорить ему, что у нее задержка? Та, у которой дядя? Погодите — другая, у которой дядя?

Нет: это та, которую нашли в бассейне. Та, у которой нашли алкоголь в... у нее еще волосы замотались... и тот парень признался... точно. Да.

Они кивают, довольные. Чем?

Моя соседка за барной стойкой вынимает из «Кровавой Мэри» сельдерей и хрустит им. Мой стоматолог

просит меня полоскать рот. Они пытаются вспомнить ее имя, бормоча одно за другим.

— Эту я точно знаю,— говорят они.

«Эту» — ведь кто она теперь, как не история, история, которую можно знать или не знать, история с ограниченным набором деталей, история, в которую можно углубляться, запоминая карты и даты.

— Та, которая из школы-интерната! — говорят они.— Я помню — та, которую сняли на видео. Вы знали ее?

Она та, чье фото выскакивает, если ищешь «Убийство в Нью-Гемпшире», наряду со снимками арестованных по следам амфетаминовых трагедий за относительно недавние годы. Одно фото — она смеется ртом, но не глазами, как глубоко несчастные люди,— мелькает в заголовках. Это просто обрезанный снимок с теннисной командой из ежегодника; если вы знали Талию, вы сразу поймете, что она не была так уж расстроена, просто улыбалась в камеру без особого желания.

Эту историю рассказывали и пересказывали.

Ту самую, в которой девушка была достаточно молодой, достаточно белой, достаточно симпатичной и достаточно богатой, чтобы на нее обращали внимание.

Ту самую, где мы все были достаточно молоды, чтобы считать, что у кого-то поумнее есть ответы.

Может, мы поняли эту историю неправильно.

Может, все мы, коллективно, каждый не тяжелее перышка, поняли эту историю неправильно.

Часть I

1

Впервые я посмотрела видео в 2016-м. Я была в постели, с ноутбуком, в наушниках, и волновалась, что проснется Джером и придется что-то объяснять. Дальше по коридору спали мои дети. Я могла бы сходить, проверить их, пощупать их теплые щеки и ощутить горячее дыхание. Могла бы понюхать дочкины волосы — и, может быть, аромат влажной лаванды и детской кожи помог бы мне уснуть.

Но подруга, с которой я не виделась двадцать лет, только что прислала мне ссылку, и я кликнула на нее.

«Камелот» Лернера и Лоу. Режиссером-постановщиком и техническим директором была я. Одна статичная камера, слишком близко к оркестру, слишком далеко от певших без микрофонов подростков, качество ВХС 1995 года, какой-то член AV-клуба за камерой. И боже мой, мы знали, что далеки от идеала, но даже не думали насколько. Тот, кто это загрузил два десятилетия спустя, добавил примечания внизу с временными метками появления Талии Кит и не поленился перечислить актерский состав и съемочную группу. Бет Доэрти в роли малышки Гвинеvры, Сакина Джон блистает

в роли Феи Морганы с шипастой золотой короной поверх тугих косичек, Майк Стайлз в роли прекрасного и застенчивого короля Артура. И там же мое имя, пусть и написанное с ошибкой.

Последний раз Талию отчетливо видно в последнем кадре, когда все актеры выходят на поклон, темные кудри выделяют ее из общей массы. Затем почти все остаются на сцене, чтобы спеть «С днем рождения тебя» миссис Росс, нашему режиссеру, которая встает с переднего ряда, где она сидела каждый вечер, строча заметки. Она так молода — тогда я этого не замечала.

Несколько ребят уходят, возвращаются с неловким видом. Оркестранты запрыгивают на сцену и поют, из зрительских рядов выскакивает муж миссис Росс с цветами, на сцену выходит команда техников в черных рубашках и черных джинсах. Я не выхожу; наверно, осталась в будке. Это в моем духе — пересидеть торжественную часть.

Включая расстановку и пение, поздравление занимает пятьдесят две секунды, в течение которых Талия все время не в фокусе. В комментариях кто-то дал крупный план кусочка зеленого платья с краю декорации, выложил бок о бок фотографии этого зеленого пятна и платья, в котором была Талия, — сперва под кисеей, в роли Нимуэ, чародейки, Владычицы озера, затем без кисеи, с простым головным убором, в роли леди Анны. Но там было несколько зеленых платьев. В том числе у моей подруги Карлотты. Не исключено, что к тому времени Талии уже не стало.

Обсуждение под видео в основном касалось временной шкалы. Спектакль должен был начаться в 19:00, но мы, скорее всего, начали нашу милосердно сокращенную версию с пятиминутным опозданием. По меньшей мере. Антракт из записи вырезали, и комментаторы рассуждали, сколько может длиться антракт в школьном мюзикле. В зависимости от того, какой точки зрения вы придерживались, спектакль окончился в интервале между 20:45 и 21:15. Мне стоило подумать об этом. Когда-то у меня была папка с моими скрупулезными заметками. Но никто меня не спрашивал.

Судмедэксперт установил, что смерть Талии произошла в интервале от восьми вечера до полуночи, однако с учетом ее участия в мюзикле начало интервала смещалось — вот почему точное время окончания спектакля стало предметом бесконечного обсуждения в интернете.

«Я пришел с „Ютьюба“, — написал один комментатор в 2015-м, добавивший ссылку на другое видео. — Смотрите сюда. Это ДОКАЗЫВАЕТ, что расследование запороли. Временная шкала ничего не дает».

Кто-то еще написал: «В тюрьме не тот парень из-за копов расистов на прикорме у школы».

А пониже: «Добро пожаловать в Центр Шапки-Из-Фольги! Сфокусируйте ваши энергии на РЕАЛЬНОМ НЕРАСКРЫТОМ ДЕЛЕ».

Когда я смотрела это видео двадцать один год спустя, из темных уголков моего разума возникло воспоминание о том, как я с подругой Фрэн, участвовавшей

в постановке, высматривала в библиотечном словаре слово «*сластный*». Чтобы унять наше хихиканье из-за фразы «Сластный месяц май», миссис Росс заявила, что «*сластный* значит просто *сладкий*. Можете посмотреть в словаре». Но что миссис Росс понимала в сласти? Сласть, как и страсть, это удел молодых, а не замужних училок театральной школы. Но («Пресвятой катях», — как сказала бы Фрэн, могла бы сказать), согласно Вебстеру, *сластный* действительно значит *сладкий* или *дающий наслаждение, усладу*. Среди примеров был и такой: *сластная маковая булочка*. Мы с Фрэн выбежали из библиотеки, заливаясь смехом, и она распевала: «О сластная булочка с маком!»

Где у меня столько лет хранилось это воспоминание?

Первый раз я просмотрела видео урывками, заинтересованная только в окончании; мне не хотелось слушать все эти подростковые голоса и кое-как настроенные струнные инструменты. Но затем вернулась к началу — в тот же раз, в два часа ночи, напрасно приняв таблетку мелатонина, — и просмотрела все фрагменты с Талией. Нимуэ она играла только во второй сцене первого действия. Она появилась за сценой в тумане из сухого льда, гипнотически напевая за спиной у Мерлина. Что-то встревожило меня в том, как она периодически отводила взгляд от него во время пения, поглядывая вправо со сцены, словно нуждаясь в подсказке. Но это было маловероятно; все, что от нее требовалось, это петь свою единственную повторяющуюся песню.

Я осторожно перегнулась через Джерома, чтобы взять с тумбочки его айпад, и включила там видео, на этот раз увеличив лицо Талии, сделав его хотя бы крупнее, если не четче. Сложно сказать, но она показалась мне раздраженной.

А затем, когда Мерлин произносит прощальную речь, обращаясь к Артуру и Камелоту, она снова смотрит в сторону, почти через плечо. И произносит что-то одними губами; это мне не кажется. Ее губы начинают смыкаться, а затем чуть вытягиваются и округляются, словно образуя шипящий звук. Я почти уверена, она говорит слово «что». Может, какому-нибудь рабочему сцены из моей команды, поднявшему забытый реквизит. Но что могло быть такого важного в тот момент, перед самым ее уходом?

В 2016-м никто из комментаторов не заострил на этом внимания. Их волновала только длительность выхода на поклон, была ли Талия на сцене в ту последнюю минуту. (И еще какой она была красоткой.) Пятидесяти двух секунд, по их мнению, было достаточно, чтобы Талия Кит встретила с кем-то, ждавшим ее за сценой, и ушла с этим кем-то, потихоньку от всех.

В самом конце пленки: наш прославленный дирижер-оркестра-плюс-музыкальный-руководитель, при бабочке, с дирижерской палочкой в руке, начинает речь, которую никто не слушает: «Спасибо всем! Пока вы не ушли...», но видео пестрит серыми полосами. Скорее всего, он напоминает о регистрации в общежитии или о том, чтобы кто-то вынес мусор.

«Внимание на Гвиневеру в последние две секунды,— пишет один комментатор.— Это фляжка? Хочу дружить с Гвиневерой!»

Я ставлю видео на паузу — и да, в руке у Бет серебряная фляжка. Может, она надеялась, что друзья заметят ее, а преподавы на зрительских рядах не обратят внимания. А может, Бет уже набралась и ей было без разницы.

Другой комментатор спрашивает, может ли кто-нибудь опознать зрителей, проходящих к выходу мимо камеры.

Еще кто-то пишет: «Если смотрите спецвыпуск „Выходных данных“ 2005, не слушайте никого. СТОЛЬКО ошибок. К тому же ТА... звучит как первый слог „тампона“ или „табака“, а Лестер Холт твердит ТАЙ-лия».

Кто-то отвечает: «Я думала, она ТАЛЛ-ия».

«Не-не-не,— пишет первый комментатор.— Я знал ее сестру».

Еще один комментарий: «Мне от всего этого так грустно». И три плачущих смайлика с синим сердечком.

После этого мне несколько недель снилась не Талия, глядящая куда-то в сторону или что-то спрашивающая одними губами, а фляжка Бет Доэрти. Во снах мне приходилось искать ее и снова прятать. Я держала в руках свою гигантскую папку. Но мои заметки ничего не проясняли.

Театралы умоляли об этом спектакле — постоянно заводили о нем разговор годом ранее, всякий раз, как миссис Росс дежурила в общежитии. В 93-м было Бродвейское возрождение, и даже те из нас, кто не ви-

дели его, слышали музыку оттуда, доносившую до нас распад Средневековья, поцелуи на сцене, сказочные партии соло. Мне виделись замковые интерьеры, троны, деревья на шарнирах — ничего замысловатого, никакого плотоядного домашнего растения или въезжающего на сцену кабриолета «Форд-делюкс». Журналисты будущего увидят в этом уйму прозрачных метафор. Школа-интернат — лесное королевство, Талия — чародейка, Талия — принцесса, Талия — мученица. Что может быть романтичнее? Что может быть совершеннее девушки, чья жизнь оборвалась, едва начавшись? Девушка — чистый лист. Девушка — отражение ваших желаний, без примеси ее собственных. Девушка — жертва во имя идеи *девушки*. Девушка — набор детских фотографий, сплошь отмеченных аурой *девушки, которая умрет молодой*, словно даже фотограф в третьем классе видел у нее на лице, что эта девушка навсегда останется девушкой.

Сторонний наблюдатель, вуайерист, даже правонарушитель — все они ни при чем, если девушка изначально отмечена смертью.

Зрители это любят — по интернету и телевидению.

Как и вы, мистер Блох: полагаю, вам это тоже на руку.

2

Вопреки ожиданиям, в январе 2018-го я мчалась обратно в кампус в одном из тех старых добрых «синих кэбов», которые когда-то столько раз забирали меня из аэропорта Манчестера. Водитель сказал, что весь день гонял в Грэнби.

— Все куда-то в отпуска разъезжались,— сказал он.

Я сказала:

— По домам на праздники.

Он хмыкнул, словно я подтвердила его скверные подозрения.

Спросил меня, преподаю ли я в Грэнби. Сперва меня поразило, что он не принял меня за школьницу. Но затем я увидела свое отражение в зеркальце заднего вида: собранная взрослая женщина с морщинками вокруг глаз. Я сказала, что нет, не совсем, просто еду преподавать двухнедельный курс. Я не стала объяснять, что училась в Грэнби, что знаю дорогу, которой мы едем, как свои пять пальцев. Я подумала, что не стоит вываливать на него столько информации в таком поверхностном разговоре. Я также не стала ему объяснять, что такое миниместр, посчитав, что это прозвучит как-то мими-

мишно — он явно ожидал чего-то подобного от всей этой избалованной молодежи.

Это Фрэн предложила мне вернуться. Сама она, можно сказать, не уезжала: после нескольких лет в колледже, в аспирантуре и за границей, она вернулась в Грэнби преподавать историю. Фрэн лесбиянка и живет в кампусе со своей женой, работающей в приемной комиссии, и сыновьями.

Моего водителя звали Ли, и он сказал мне, что возит «эту молодежь в Грэнби с тех пор, как их папаши там учились». Он объяснил, что Грэнби — это такая школа, куда можно попасть только через семейные связи. Мне захотелось сказать ему, что это совершенно не так, но было уже поздно разубеждать его в том, что я тут новенькая. Он сказал мне, что «от этой молодежи столько неприятностей — вы не поверите», и спросил, не читала ли я *пару лет назад* статью в «Роллингстоун». Эта статья («Живи свободно или умри: выпивка, наркотики и утопление в элитной школе-интернате в Нью-Гемпшире») вышла в 1996 году, и да, мы все ее читали. Мы переписывались по электронке из студенческих общаг, негодуя на неточности и допущения — почти так же, как девять лет спустя, когда «Выходные данные» снова взбаламутили все это.

Ли сказал:

— За этой молодежью никакого присмотра. Единственное, что меня радует, у них правило против «Убера».

Я сказала:

— Забавно, я слышала, наоборот. Насчет присмотра.

— Ну, это они врут. Им же хочется, чтобы вы у них преподавали,— скажут что угодно.

Я была в Грэнби всего три раза за почти двадцать три года после окончания. Посетила встречу выпускников, когда жила в Нью-Йорке; пробыла час. Съездила на свадьбу Фрэн и Энн в Старой часовне в 2008-м. А в июле 2013-го приехала в Вермонт на несколько дней и заглянула к Фрэн повидать ее первого малыша. Вот и все. Я не была ни на десятой, ни на пятнадцатой, ни на двадцатой годовщине и пропускала клубные встречи в Эл-Эй. Только когда всплыло это видео с «Камелотом» и Фрэн заманила меня в возникший чат, обернувшийся воспоминаниями о театре, я прониклась ностальгией по Грэнби. Я думала подождать до 2020-го, когда на встречу соберутся мои одноклассницы — наша двадцать пятая годовщина совпадет с двухсотлетием школы. Но потом пришло это приглашение.

К тому же мне нравилось, что всего в двух часах езды, в Школе права Бостонского университета, в том году преподавал Яхав, с которым я крутила отчаянный затяжной междугородный роман. Яхав, высокий, остроумный и невротичный, говорил с израильским акцентом. Наши отношения были не такими, чтобы я взяла и полетела к нему. Но я могла бы оказаться по соседству.

Плюс мне хотелось понять, смогу ли я — несмотря на нервы, на почти подростковую панику — утереть

нос девушке, которая когда-то сутулясь пробиралась через Грэнби. В Эл-Эй я знала в теории, что состоялась — преподаватель колледжа, ведущая известного подкаста, женщина, которая могла купить продукты с фермерского рынка и отправить детей в школу прилично одетыми, — но в повседневной жизни я не особенно ощущала пройденный путь. В Грэнби, я это понимала, мне придется нелегко.

Так что у меня были деньги, тот самый парень и мое эго, а также — под всем этим, почти неразличимой нотой — была Талия и ощущение, что с тех пор, как я посмотрела это видео, мне слегка не по себе.

Так или иначе, они спросили, я сказала да — и вот я сидела на заднем сиденье у Ли, который вез меня в кампус, превышая скоростное ограничение на десять миль*.

Он сказал:

— И что вы будете преподавать — типа Шекспира?

Я объяснила, что преподаю два предмета: подкастинг и киноведение.

— Киноведение! — сказал он. — Они у вас смотрят кино или снимают?

Я почувствовала, что любимым ответом уроню в глазах Ли как себя, так и школу. И сказала, что преподаю историю кино, что было правдой, но только отчасти. Я добавила, что до недавнего времени преподавала

* 10 миль \approx 16 км. — Здесь и далее примеч. пер.

киноведение в UCLA*, и он, как и следовало ожидать — это был проверенный прием, — сразу заговорил об университетской футбольной команде. Теперь от меня требовалось только вставлять одобрителльные междометия в его монолог. Нам оставалось ехать всего двадцать минут, и я могла не опасаться, что он спросит меня о подкастах или станет разбирать Квентина Тарантино.

Школа пригласила меня специально для преподавания киноведения, а я вызвалась вести двойной курс, потому что это означало двойную оплату, а еще потому, что никогда не умела сидеть спокойно и, раз я оставляла детей на пару недель, мне не хотелось просто сидеть без дела. Необходимость постоянно что-то делать — симптом высокофункциональной тревожности и мой ключ к успеху.

Мой тогдашний подкаст назывался «Старлетки в клетке» и представлял собой многосерийную историю женщин в кино — историю того, как индустрия прожевывала их и выплевывала. Подкаст получал максимум внимания, на какое может рассчитывать подкаст, и периодически достигал верхних показателей в разных рейтингах скачиваний. Это приносило кое-какие деньги, а иногда, в качестве приятного сюрприза, о нас упоминала в интервью какая-нибудь знаменитость. Мой соведущий, Лэнс, смог оставить свой ландшафтный дизайн, а я — подработки, которые мне подбрасывал

* *UCLA, University of California, Los Angeles* — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

UCLA, и у нас была на примете пара литературных агентов, предлагавших нам свои услуги, если мы решим написать книгу. Мы вовсю готовились к следующему сезону, сфокусированному на Рите Хейворт, но я могла изучать материал из любого места.

Мы последовали по Шоссе 9 за другим «синим кэбом» с двумя ребятами на заднем сиденье. Ли сказал:

— Видали? Спорить готов, пара ваших учеников. Вся эта молодежь неместная. Кто-то даже из-за границы. Сегодня утром вез китаяночек, так они молчали всю дорогу. Какая у них может быть учеба, если они по-английски не говорят?

Не дав расизму развернуться в полную силу, я сделала вид, что у меня звонит телефон.

— Гэри! — сказала я в телефон, и следующие десять минут произносила *хм-м* и *окей*, пока мимо проносился замерзший лес. Однако, перестав отвлекаться на Ли, я, к сожалению, почувствовала в полной мере, как взвинчены у меня нервы, почувствовала, как лес затягивает меня в Грэнби. Вот показалась маленькая белая межконфессиональная церковь, по которой я всегда отмечала, что скоро буду на месте. А вот и поворот на дорогу поуже, поворот, который я ощутила всем телом.

Казалось, он заставил меня вспомнить не в меру длинные джинсовые шорты и полосатую майку, которые были на мне в мой первый приезд в Грэнби в 1991-м. Помню, как я думала, нет ли у нью-гемпширских ребят

акцента, не понимая, как мало моих одноклассников будут из Нью-Гемпшира. Я едва удержалась от того, чтобы сказать об этом Ли или хотя бы в телефон.

В то время я жила в семье Робсонов, и они за день довели меня почти до Грэнби из самой Индианы, а следующим утром мы проснулись всего за час до отъезда. Я сидела, опустив задние стекла, подставив лицо буйному воздуху и обозревая панораму ферм, словно с открыток, и густых лесов, непроглядных, как стены. Кругом пахло чем-то вроде навоза, к чему я привыкла, а затем вдруг запахло соснами. Я сказала: «Там пахнет словно освежителем!» Робсоны отреагировали так, словно маленькая девочка сказала нечто умильное. «Освежителем!» — повторил Северн Робсон и радостно хлопнул по рулю.

Гуляя по кампусу в тот первый день, я поверить не могла, насколько этот лес густой, какая там земля — камни, мох, сосновые иголки. Все время нужно смотреть под ноги. В Индиане мне встречались только рощи между рядами домов или позади бензозаправок — такие рощи можно пройти насквозь. Там валялись окурки и банки от газировки. Но такие леса я представляла в детстве, когда слушала сказки. Теперь эти истории о первобытных чащобах, потерявшихся детях и тайных логовах обрели новый смысл. Как есть *чащоба*.

Я смотрю в окошко: почтовое отделение Грэнби и бывший магазинчик видеофильмов. Бензозаправка «Сёркл-кей» осталась без изменений, но не вызывала

чувства ностальгии. Вот она, дорога в кампус, и вот он, всплеск адреналина. Я завершила притворный разговор, пожелав Гэри хорошего дня.

Когда в тот первый ноябрь облетела вся листва, я рассчитывала увидеть дома и корпуса, ждавшие все это время за деревьями. Но нет: за голыми ветвями были другие ветви. За теми — еще.

По ночам ухали совы. Иногда, если мусорные контейнеры не запирали, мешки с мусором вытаскивали черные медведи и тащили через кампус, чтобы вскрыть словно подарки.

Машина, за которой мы следовали, свернула на развилке к общежитиям для мальчиков, но Ли направился по длинному маршруту вокруг нижнего кампуса, чтобы устроить мне экскурсию, и мне оставалось лишь вежливо слушать его.

Он сказал:

— Где я вас высажу, это верхний кампус, над рекой, с модными новыми корпусами. А здесь, внизу, старая часть, восходящая к тысяча семисотым.

К 1820-м, но я не стала исправлять его. Время было за полдень, и несколько ребят брели через двор из общего корпуса, сутулясь от холода.

Ли указывал на первый учебный корпус, на общежития, в которых мерзли отроки из фермерских семей, на коттеджи, где в былые времена проживали в одиночестве преподаватели-бобыли, на Старую и Новую часовни (ни одна уже не являлась настоящей часовней, и обе были невозможно старыми), на дом директора.

Указав на бронзовую статую Сэмюэла Грэнби, Ли сказал, ошибочно:

— Это тот парень, который начал школу всего с одного класса.

Школьницей я не могла пройти мимо Сэмюэла Грэнби, чтобы не потерять его ступню, что вовсе не было местной традицией. Как не могла пройти и мимо таксофона, чтобы не перевернуть трубку. Это было ужасно оригинально и по-бунтарски; можете мне поверить.

Когда Ли наконец доехал до края верхнего кампуса и остановил машину, я открыла дверь и ощутила стену холода. Я рассчиталась с Ли, и он посоветовал мне остаться в тепле, словно это зависело от меня, словно зима не была в своих правах и все вокруг не покрывал лед с солью. Глядя на корпуса, которые ничуть не изменились, и на тонкий гребень Белой горы, вздымавшийся поверх деревьев на востоке, можно было подумать, что все вокруг подвергли криогенной обработке.

Фрэн предложила мне свой диван, но то, как она это сделала — «то есть у меня еще собака, и Джейкоб вечно включает звук на полную, и Макс у все еще не спится по ночам», — больше напоминало вежливый жест, нежели приглашение. Так что я предпочла одну из двух гостевых квартир, расположенных прямо над оврагом, в домике, в котором некогда размещалась администрация. На каждом этаже имелась спальня и ванная, плюс общая кухня внизу. И во всем доме пахло отбеливателем.

Распаковывая вещи, я переживала, что взяла мало свитеров, и думала, как ни странно, о таксофонах Грэнби.

Представьте меня (вспомните меня) в пятнадцать-шестнадцать лет, одетую во все черное, даже когда я не за сценой, в потертых мартинсах, с темными тонкими волосами, обрамлявшими мою упитанную деревенскую мордашку; представьте меня с густо подведенными глазами, облаченной во фланель, когда я прохожу мимо таксофона, беру не глядя трубку, переворачиваю и кладу обратно.

Но так было только поначалу; к третьему году я не могла пройти мимо, чтобы не взять трубку и, нажав любую цифру, поднести к уху, потому что был как минимум один телефон, позволявший услышать через помехи чужой разговор. Я обнаружила этот эффект, когда собралась позвонить в общежитие из спортзала, чтобы спросить, можно ли мне опоздать к десятичасовому отбою, но, нажав первую цифру, услышала приглушенный голос какого-то парня, негромко жаловавшегося маме на промежуточные экзамены. А мама спрашивала, делает ли он уколы от аллергии. У него был такой ноющий голос, что казалось, ему лет двенадцать, и чувствовалось, что он скучает по дому, но я сумела узнать его: это был Тим Басс, хоккеист с плохой кожей и прекрасной подружкой. Должно быть, он говорил по таксофону из общей комнаты своего общежития по другую сторону оврага. Я не знала, какие причуды телекоммуникации делали такое возможным, а когда

рассказала годы спустя эту историю мужу, он покачал головой и сказал: «Такое невозможно». Я спросила, что он имеет в виду — что я врушка или что я слышу голоса. «Я просто имею в виду, — ответил Джером ровно, — что такое невозможно».

Я стояла в холле спортзала, замороженная, ловя каждое слово. Но в какой-то момент мне пришлось прекратить это и позвонить к себе в общежитие, спросить у дежурной преподавательницы, можно ли мне задержаться на десять минут, чтобы пробежать через кампус и взять учебник по истории, который я оставила в общем корпусе. Она сказала, нет, нельзя. У меня три минуты до отбоя. Я положила трубку, снова взяла и нажала одну цифру. Снова послышался голос Тима Басса. Магия. Он говорил маме, что заваливал физику. Я удивилась. Теперь я узнала его секрет. Секретный секрет, которым он не собирался ни с кем делиться.

После этого я ненадолго втюрилась в Тима Басса, хотя раньше не обращала на него ни малейшего внимания.

В течение нескольких месяцев я перепробовала все телефоны в кампусе, но так действовал только телефон в спортзале и только если кто-то разговаривал по другому телефону (возможно, по какому-то конкретному) в Бартон-холле.

В основном я слышала неразборчивое бормотание. Один раз я слышала, как кто-то заказывал пиццу. Иногда говорили на корейском, испанском или немецком. Один раз я услышала «Рапсодию в стиле блюз» с фонограммы

«Объединенных авиалиний». Иногда я слышала кое-что поинтересней и держала это при себе. Я узнала, что кто-то — я так и не выяснила кто — будет дома на Пасху, но не желает ехать к тете Элен. Я услышала, как кто-то скучал по подружке — нет, *на самом деле* скучал, и нет, он ни с кем больше не встречался, он ее любил, зачем она так с ним, не надо так с ним, разве она не знает, что он скучает по ней?

Нам в жизни дается так мало суперспособностей. Эта была одной из моих. Я могла ходить по коридорам, зная что-то о ребятах из Бартон-холла, чего бы никто из них не рассказал мне по доброй воле. Я знала, что Хорхе Карденас не позволял себе выпивать, когда ему бывало грустно, потому что с этого начинается алкоголизм, а он не хотел быть таким, как его отец.

Было бы очень кстати, если бы однажды я взяла трубку и услышала что-то важное, что-то разоблачительное. Услышала бы, к примеру, как кто-то угрожал Талии. Или что-нибудь касавшееся вас.

Но это было лишь частью более общей привычки: я собирала сведения о сверстниках точно так же, как кто-то копит газеты. Я надеялась, что это поможет мне стать более похожей на них и менее похожей на себя, что я стану менее бедной, менее несведущей, менее провинциальной, менее уязвимой.

Каждое лето я привозила домой ежегодный фотоальбом и отмечала фотографии всех учащихся особыми цветными метками: знала ли я кого-то, считала ли другом, была ли влюблена. Иногда, одолеваемая

летней изоляцией, я просматривала фамилии людей в школьном фотоальбоме, чтобы выяснить, как зовут их родителей, с единственной целью вырваться на минуту из спальни, которую ненавидела, в доме, который не был моим, в городке, где я почти никого не знала.

Это не делает меня особенной, и даже тогда я понимала это. Я говорю это только для пояснения: мне были важны детали. Не потому, что я могла как-то ими управлять, а потому, что могла считать их своими.

У меня было так мало своего.

РЕБЕККА
МАККАЙ

МЫ УМЕЛИ ВЕРИТЬ

ФИНАЛИСТ
ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ
ПРЕМИИ

МЫ УМЕЛИ ВЕРИТЬ

18+
Содержит
нецензурные
слова

«Прекрасная, нежная, страстная
и душераздирающая история»
— *Wall Street Journal*

РЕБЕККА
МАККАЙ

ФИНАЛИСТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ
ЛАУРЕАТ NATIONAL BOOK AWARD

Ребекка Маккай
МЫ УМЕЛИ ВЕРИТЬ

Перевод Д. Шепелева

В 1985 году Йель Тишман, директор по развитию художественной галереи в Чикаго, охотится за необыкновенной коллекцией парижских картин 1920-х годов. Он весь в мыслях об искусстве, в то время как город накрывает эпидемия СПИДа. Сохранить присутствие духа ему помогает Фиона, сестра его погибшего друга Нико.

Тридцать лет спустя Фиона разыскивает в Париже свою дочь, примкнувшую к секте. Только теперь она наконец осознает, как на ее жизнь и на ее отношения с дочерью повлияли события 1980-х. Эти переплетающиеся истории показывают, как найти добро и надежду посреди катастрофы.

Культовый роман о дружбе, потерях и искуплении, переведенный на 11 языков.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ребекка Маккай

У МЕНЯ К ВАМ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ

Литературно-художественное издание

Перевод с английского Дмитрия Шепелева

Директор Ольга Лябина

Редактор Любовь Сумм

PR-координатор Анастасия Данилина

Технический редактор Светлана Зорькина

Корректор Валентина Матюшкина

Команда Букмейта:

Директор по контенту Юлия Мишкуц

Главный редактор оригинальных проектов

Ксения Грициенко

Менеджер оригинальных проектов Дарья Виноградова

Ответственный редактор Елена Васильева

Подписано в печать 24.04.2024.

Печать офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 35,28 усл. п. л.

Тираж 2500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Лайвбук»

117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 1, стр. 1–2

По вопросам оптовых закупок

обращайтесь по электронному адресу

tatiana@livebooks.ru и тел. +7 (495)114-52-45

Все книги издательства

можно приобрести в магазине редакции по адресу:

Москва, ул. Большая Ордынка, д. 13/9, стр. 1, под. 2, оф. 9

и на сайте livebooks.ru. Тел. +7 (495)114-52-45

Ищите нас в социальных сетях:

www.vk.com/livebookph и др.,

а также в Телеграме: <https://t.me/livebooks>